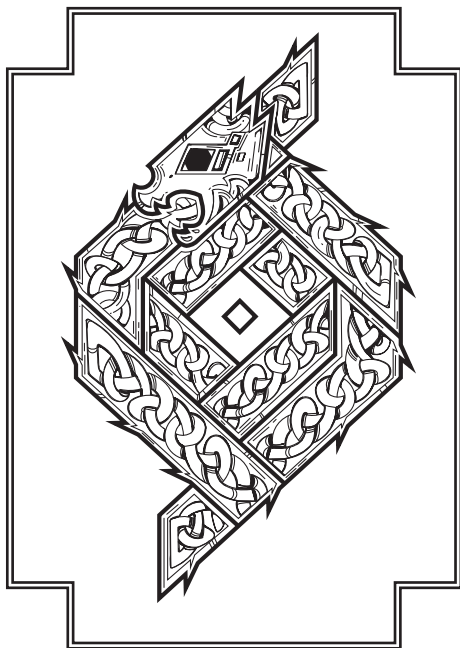

Папе,
который открыл для меня
«Алису в Зазеркалье», «Властелина Колец»,
«Дюну» и Стругацких,
а также дал несколько замечательных советов
насчет носков

АРКА ТРЕТЬЯ

СВАРТАЛЬХЕЙМ

Грамматическая категория правды в языке свартаи выражается тремя способами:

1. Присоединение префикса *o-* к сказуемому выражает **низкую степень достоверности**. Используется в грубой, оскорбительной форме. Некоторые лингвисты считают префикс *o-* обценной единицей предложения. Зафиксированы случаи присоединения префикса к имени собственному для выражения оскорбления.

2. Присоединение префикса *a-* к сказуемому выражает литературную норму, **вежливую среднюю степень достоверности**, объективную оценку.

3. **Высшая степень достоверности**: к сказуемому с префиксом *a-* присоединяется частица «да», которая сливается с префиксом *a-* и образует форму «даа». Такая степень правды используется в официальных документах, в юридическом, медицинском, политическом дискурсах.

В скальдических дуэлях, классическом театре, литературе используется низкая форма достоверности, чтобы подчеркнуть фиктивный характер искусства. Но постепенно такая традиция отмирает и литературные персонажи начинают говорить тем языком, какой требует социальный статус и художественный замысел.

Краткий лингвистический словарь Игга

ДУЭЛЬНЫЙ КОДЕКС ВАРДЕНОВ

«Под ветвями Игдрасиля я бросаю вызов тебе, варден из народа...»

«Над корнями Игдрасиля я принимаю вызов твой, варден из народа...»

Ритуальный вызов-отзыв призывает Вседрево Игдрасиль — источник жизни/смерти — как свидетеля чистоты помыслов дерущихся и еще раз напоминает, что варденам, защитникам этого мира, не стоит сражаться между собой без веской причины. Существуют свидетельства отказа драться после произнесения вызова-отзыва.

Глава 1

НАЙТИ ИДАВОЛА

Номерок кормежки двадцать девять — не самый плохой вариант. В первой десятке обычно толкались наиболее сильные и наглые, чтобы получить побольше мяса в добавку к каше или недоваренным макаронам и хлебу, но соваться не следовало — только синяков получишь. К тридцатым номерам мясо заканчивалось, но зато можно было рассчитывать на овощи или грибы. Плохо приходилось тем, кто являлся к сотне. Если к ложке каши кусок хлеба выцепишь — считай, повезло.

Тоший мужичонка с изрытым оспой лицом шлепнул в тарелку комок холодного геркулеса с морковью и луком, почесал в ухе и той же рукой швырнул кусок хлеба. Локи надвинула на глаза кепку и быстрым шагом просеменила до железного стола, прикрученного к грязному полу заводской столовой. Вскоре помещение заполнилось скрипом придвигаемых стульев, мрачным стуком ложек о тарелки и вялыми разговорами. Серые уставшие лица, оплывшие от постоянного пьянства, замасленные комбинезоны — вот тебе и главная фабрика

«Цваральга». Инженеры обедали в столовой наверху, закрытой для простых работяг. Ки сомнительно утверждал, что там подают мороженое и пироги со взбитыми сливками. Проглатывая склизкий комок каши, Локи вспомнила все выброшенные в детстве домашние обеды и постаралась не думать, лук это или кусок крысы, попавшей в мясорубку. Ки еду нахваливал и от души улыбался повару, приговаривая, что в трущобах Нифльхейма такое бы посчитали за пир. Он вообще поражал своим здоровым оптимизмом и дружелюбием окружающих и тем самым раздражал Даану. Мол, мы тут не друзей заводить пришли, а по делу. Сварта мрачнела день ото дня и ворчала не переставая.

Локи хотела сбежать в ту же ночь как решила, но Даану, саркастически цокнув языком, отправила ее в местную библиотеку за картами для составления маршрута. Проведя три безнадежных дня над книжками, Локи так и не отыскала Идаволл. Даже в закрытом ценном фонде, в который ее пустили, припомнив, что ее мама там работала, не было ни строчки. Отчаявшись, она проболталась Ки Йогме, а тот — Мори Мунину. Казалось, все кончено, и Мори выложит все Реймару, но вместо этого он шепнул Локи имя некого Сорлея — путешественника, историка и картографа. Лучше него географию этой части Игга не знал никто. Осложнилось дело тем, что его лет двадцать не видели. В последний раз Сорлей работал над каким-то проектом для «Цваральга», тогда и пропал из поля зрения научного сообщества.

Дальше решили не тянуть время, ведь полковник Риан возвращалась со дня на день. Собрав самое

необходимое, Локи, Даану и Ки сели на ночной автобус и начали путь на юго-восток. Накануне Ангейя положила свежих цветов на могилу родителей и оставила прощальную записку с благодарностями старшему лейтенанту и полковнику. У порога ее поймал Рем и, вцепившись, пообещал быть полезным, но Ангейя мягко отстранила мальчика, попросив его разыскать в Хеймдалле ее друзей, с которыми так и не успела попрощаться. Вынув из уха одну из сережек-колечек, нанизала на шнурок и повесила ему на шею. Рем нахохлился, сердито потирая нос, и пообещал найти их и присмотреть.

Вместе с Ки и Даану Локи протряслась по проселочной дороге до Миддларка, в котором находился главный штаб «Цваральга» и откуда шел поезд до самой фабрики. Миддларк встретил их промышленным чадом, шумом и толкотней. Только что прошел дождь, прибив удушливую вонь к мостовым. Ки легко спрыгнул с подножки и галантно протянул руку сварте. Даану шлепнула его веером и повела за собой зазевавшуюся Локи. Казалось бы, Хеймдалль — вот где оплот цивилизации, но Миддларк оказался хуже. За пятнадцать минут их попытались два раза ограбить и один раз завлечь в подпольный клуб наперсточников. Веселые девушки в рабочих серых комбинезонах и одинаковых серых париках в цветах «Цваральга» прямо на вокзале разбрасывали листовки и пихали в руки спешащим людям анкеты. Ки Иогма, подмигнув одной девушке, на лету схватил бумагу. Крупными буквами на сине-сером фоне было напечатано, будто в скале высечено:

ЦВАРАЛЬГ

*Хорошего спеца
производство заботит.
Ас, турс, альв
спецу
помоги в работе.*

Толпы беженцев с севера, окрестные фермеры, продавшие землю за бесценок и теперь ищущие хоть какой-то заработок, беспризорники, сбивающиеся в стаи и кашляющие от сырого ветра, дрожащие в коротких юбках девушки заполнили центральные улицы города. Болтали на асгарди и свартаи, но с разнообразными акцентами. Архитектура поражала уродливой практичностью: ничего лишнего — только крошечные оконца и обшарпанные двери, ведущие в темные полуподвалы, которые дышали дешевым пивом и лязгали ржавыми петлями. Беспорядочно спешащие машины гудками подгоняли торопящихся поскорее перебежать на другую сторону прохожих. Локи проридралась сквозь толпу, придерживая рюкзак с очками истины одной рукой, а другой поправляя сползающую с плеча перевязь тяжелой катаны. Ки скользил впереди, чувствуя себя как дома на шумных улицах. Даану, высокомерно поджимая губы, подталкивала Локи в спину, чтобы не упустить Ки из виду. Она немного потеряла свой лоск, но не вредный характер. Локи уже подметила, что ворчанием и напускной надменностью сварта скрывает неуверенность. Вклиниваясь между двумя телами, Ангейя с трудом вырвала застрявшую катану, думая, как аккуратнее расспросить Даану о ее матери. Поче-

му она не сказала правду и этим убила? Почему бросила все и бежала в Хеймдалль, но теперь стремится домой? Покосившись на ее хищный профиль и упрямую линию подбородка, Ангейя наступила в лужу и с отвращением ощутила, как мокнет носок.

Когда кто-то оттолкнул Локи от сварты, возник Ки и, широко улыбаясь, подмигнул. Его пепельно-серые волосы давно утратили всякое представление о стрижке, и турс стал закалывать челку заколкой-цветочком, игнорируя подколки Даану. Он всегда был уверенным и спокойным, улыбался, шутил, разряжая обстановку, но Локи видела, как он вздрагивает и просыпается от кошмаров. Все они разбитые дети, ищущие несуществующие города.

Толпа поредела, и наконец они чуть не вывалились на свободный пятачок. Из-за спин рабочих Локи было видно лишь кусочек безголовой статуи — наверняка Огма Мудрого, изображений которого хватало на окнах и фасадах центра, одного из монахов, создавших рунный алфавит. Сейчас почти все народы Игга пользуются своей письменностью, а рунным алфавитом — только ученые да монахи.

Локи привстала на цыпочки, слыша отдельные выкрики и звуки потасовки. Поднырнув под локоть и мягко отстранив крошечную женщину в траурно-черном платье, Ангейя увидела, как четверо мрачных парней толкают в грязь худого мужчину, пинают мольберт и топчут тюбики с краской. Первым желанием Ангейи было кинуться на помощь, но она, стиснув зубы, осталась на месте, надвинув кепку. Ярко-желтый тюбик подкатился к ее ногам и ударился о грязный кед.

— Расходитесь! — рявкнул один из мужчин, толкая женщину рядом с Локи. Она, вскрикнув, взмахнула руками и шлепнулась, разразившись ругательствами, цепляясь за девочку в бесформенном свитере. Девочка брезгливо отцепила от себя женщину и отскочила в сторону.

— Не нравится что-то? — Второй мужчина в сером с нашивкой «Цваральга» на рукаве взглянул налитыми кровью усталыми глазами на толпу, которая начала медленно рассасываться.

Художник стал тихонько отползать в сторону, бормоча извинения, подволакивая ногу и придерживая испачканный мольберт. Локи с трудом держала стиснутые на катарах ладони, вспотевшие от напряжения. Оглянувшись, она чуть подтолкнула к художнику тубик. Он вскинул седые брови, поймал ее взгляд и чуть улыбнулся. Локи не подала виду, устремляясь вслед за серой макушкой Ки. Нельзя было привлекать внимание, а уж тем более вступать в конфликт с будущими коллегами. С усилием переставляя ноги, она с трудом сдерживалась, чтобы не броситься старику на помощь.

— Идем. — Даану вовремя хлопнула Локи по плечу, не давая сглупить. — Мы почти пришли, если верить указателям. — Яркая вывеска гласила, что до штаб-квартиры вербовки «Цваральга» осталось полсотни метров.

Кривая улица пошла в гору. Мимо прогрохотал трамвай, обдавая горячим воздухом из-под колес. Локи плотнее закуталась в рубашку, спасаясь от сырости. Лето будто и не хотело приходить в эти места.

Штаб «Цваральга» был одновременно и зданием вокзала. Неулыбчивая женщина в оконце молча выдала анкеты на заполнение и указала на облезлые столики с ручками на прибитых гвоздями веревочках. Эти меры не очень помогли, потому что многие петли пустовали. Народу было негусто: мокрокашляющий старик в драной куртке, стайка детей не старше Рема и женщина на позднем сроке беременности. Оглядев тусклое помещение, Локи быстро нацарапала выдуманное имя, дату рождения, варденские способности и поставила в графе «согласен с вышеперечисленным» подпись. Сдав бумажки, они остались ждать результата, изучая потертый пол.

— Как там на твоей чудо-визитке? Я снова забыл имя, — прошептал Ки. Локи кивнула. Да, это оказалось их основным козырем. Визитка Скай с именами людей, которым можно доверять. Хоть прошлый раз чуть не закончился убиением Каге, Локи посчитала, что «Мастер Нан из “Цваральга”» может сильно облегчить поиски Сорлея, если она укажет его в анкете как поручителя.

— Поезд через пять минут. — Женщина шлепнула на бумаги по печати и закрыла оконце на перерыв.

Дед вдруг перестал кашлять и ненароком подсел поближе к Даану. Сварта сузила темные глаза, брезгливо отодвигаясь ближе к Ки. Дед поерзал, повздыхал, явно собираясь завязать долгий нудный разговор.

— Ну чего? — Даану закатила глаза. — Что вы хотите?

— Ничего, — он помотал грязным подбородком, стрельнув глазами по оружию. — Красивые

у вас духовники, ребята. — Локи начала догадываться, в чем дело. Такие в последние годы даже в Лофте появлялись, хотя полиция и гоняла их нещадно.

— И? — надменно протянула сварта, но ее перебил Ки:

— Дедуль, говори прямо. Свои же все.

— Свои? — прошипела Локи. — Он же из этих, видишь? — Она указала на татуировку на пальцах: руна «Наутиз» — нужда в игре. Рука тут же скрылась в недрах куртки, слишком большой для тщедушного старика. Игроки не просто проигрывали душу своей мамочки с легкостью, но и ради редкого наперстка грабили и убивали, отчаявшись отыгратъся. Красивое интеллектуальное соревнование в итоге превратилось в типичное мошенничество.

— О, не судите по обложке, юная барышня-ас, — обиженно цокнул он. — Я не какой-то там игрок! Я прошел весь «Регинл»...

Последние слова потонули в шуме прибывающего поезда. Женщина проворно для такого живота подскочила и, распахивая прибывших, забежала в один из трех вагонов. Возвращающиеся со смены рабочие уныло затолпились у закрытого оконца для проставления очередного штампа, чтобы выйти из полумрака здания в серость пасмурного дня и через две недели заступить на смену снова.

Они втроем заняли места на холодных сиденьях слева. Старик подсел сзади к женщине и начал расспрашивать ее, перекрикивая гудки отправления. Через две минуты поезд задрожал, описал петлю по рельсам и, медленно набирая ход, пополз назад, в гору на юго-восток. Стекла подрагивали в такт, и Локи чуть подскаки-

вала, хватаясь за спинку сиденья впереди и придерживая катану с рюкзаком. Оставив здание вокзала, она вздохнула с облегчением. Вскоре закончился и Миддларк. Поезд прибавил ход, и по обеим сторонам заструились зеленые заплаты полей кормового гороха и кукурузы, замелькали силосные башни и корявые оградки. Вокруг стремительно вырастали горы: сначала крошечные скачки парабол над горизонтом, а потом все ближе и ближе, пока, наконец, угрожающе не стиснули дорогу стенами из желтого песчаника с темно-зелеными макушками из елей и пихт. Даану, сидящая у окна, замерла, трепеща ноздрями, и, почти не моргая, впитывала горные пейзажи.

Через полчаса немногочисленные пассажиры стали разворачивать запасенные кульки с бутербродами и делиться кофе из термосов, в который щедро, почти пополам, вливалась ядреная жидкость из металлических фляжек. Переглянувшись, Локи и ее спутники достали купленные пирожки и заварили чай из кипятка, предложенного хмурым проводником. Помыв руки в тесном и вонючем туалете, Локи взглянула на себя в зеркало, отмечая и рыжие патлы, и усталость в серых глазах, и нездоровую худобу и без того худого лица. Подергав для надежности щеколду на двери, она бережно раскрыла футляр с очками и, подкрутив линзы, надела. Из-за движения поезда разглядеть трещины было практически невозможно, и даже если бы ей удалось зацепиться за одну, то гарантии, что ее не разорвет пополам, не было. Вздохнув, она сняла очки и захлопнула футляр.

Продремав остаток пути, Локи сквозь сон слышала, как старик с вокзала рассказывает Ки какие-то